

100 РОЖЕВА

ЖЖЕНИЕ

женские истории

Татьяна 100 Рожева

Жжение. Женские рассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2016

100 Рожева Т.

Жжение. Женские рассказы / Т. 100 Рожева — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Тонкая лесть и гендерный подхалимаж? — Уйди, лиса! Сыр подмышкой!
Феминистский шабаш? — Нет! Метла уже лысая...Демонстрация
превосходящей силы женской слабости? — Отставить!Межполовое
полоскание в режиме отжима? — Сухо!Перетягивание одеяла на себя?
— Холодно!Так что же там, в книжке с нарисованной женщиной под
жарким солнцем?Истории... просто истории, рассказанные Женщинами и о
Женщинах...Содержит нецензурную брань.

Прынец

Луна подглядывала из-за тучи, как она шла с работы, волоча сумку.

Картина «голодный кот над пустой миской» заставила её прибавить шаг. Сумка принялась бить о ноги пластиковым контейнером с куском торта, которым сегодня кормила Ольга Борисовна в честь чего-то там у мужа. Она не расслышала, чего, поздравляла жующим лицом. Ольгу Борисовну славил все отделом, её мучное изделие с кремом из «настоящей сгущенки и дорожущего сливочного масла» и всю её семью, по количеству праздников догоняющую церковный календарь — в пору вешать на стену расписание жития. Очередное жирное свидетельство цеплялось за ноги, не давая и после рабочего дня забыть счастливую жену своего производящего поводы мужа.

Она переложил сумку в другую руку, и к ноге теперь ластился мешок корма для котов «свыше семи килограмм», купленный по акции. В магазине он не казался таким тяжелым. И этот мешок ему максимум на неделю! Куда в него столько лезет?

В ритме шага в голове закрутились строчки Киплинга: «Это был пустой вопрос. Нет на свете синих роз...» Идти стало легче, и мысли стекли в привычное русло: кот столько ест, а был бы мужик в сто килограмм? Бывают же такие! Она как Ольга Борисовна отмечала бы на работе каждый его удаленный зуб или открытие в его офисе столовой? Ужас какой! Но вот когда кот сожрал колбасу, свалившуюся на него с верхнего балкона, словно манна небесная, а потом дристал, вопя и тряся лапами — она же поделилась на работе, и все за него переживали! И это было приятно...

Просто больше ей нечего рассказывать... Кот, работа, дом — вся её жизнь...

Она стала вспоминать, когда последний раз у нее заводился мужчина хотя бы килограмм на семьдесят... Год назад? Нет, год назад ничего не вышло... Три, кажется, или уже четыре? Сейчас какой год? А, ну да...

Но что же ей делать... Выглядит она хорошо, даже, говорят, симпатичная. Страшенские находят свое счастье, вьют гнезда и сидят на яйцах, с превосходством на нее поглядывая... А она — все «прынца» ждет... К ней, конечно, подходят, знакомятся. Вот недавно, тоже шла с работы с сумкой, и вдруг: «Привет! Как дела?» — рядом зашагал смутно знакомый парень. Вроде сто лет назад помнила, как его зовут. Сто лет назад и забыла. Не понравился он ещё в момент знакомства, оно и не состоялось. Буркнула под нос: «Да вот, с работы иду, устала» и ускорила шаг. Наверное, это было не слишком вежливо... Но когда человек не интересен, она не хочет, да и не умеет церемониться, а наоборот, становится довольно резким человеком, — вот что она заметила... Может это оттого, что в свои тридцать пять она точно знает, чего хочет?

Некоторые не отягощенные интеллектом и манерами мужчины говорят ей: «Довыбираешься, будешь одна!» Но чем с такими, лучше и правда, одной. Одной со своим котом, родней, друзьями, наедине с телевизором и библиотекой...

Она читала, что нужно визуализировать свои желания, чтобы они сбывались. Так какой он, тот, кто бы ей понравился? Симпатичный? — Да, безусловно! Богатый? — Нет, не в этом суть. Просто должен зарабатывать больше нее. Это же логично! Но! Обязательно её «прынец» должен быть очень образованным, начитанным и эрудированным. Он должен быть умнее! А вот тут и начинаются проблемы. Сейчас ведь парни с гордостью говорят: «Книги? Ни одной дома нет! Я их не читаю!» А ей после таких слов на общение с этим человеком просто безумно жаль тратить время... А еще он должен быть добрым. Это непременно. Добрым и великодушным. Разве она многого хочет?

Ручеек привычных мыслей иссяк и в голове снова закрутилось: «Это был пустой вопрос. Нет на свете синих роз...», когда из темноты отделилась мужская тень. Луна стыдливо надвинула на себя тучу. Тусклый фонарь осветил плечо и ухо в вихрастых зарослях.

— Эй, тетка, подрочи мне, рука устала!

От неожиданности она застыла, прижав сумку.

— Дурак что ли!

— Будешь орать — убью. Делай, что говорят, уйдешь целая.

«Вызвать полицию? — Телефон где-то в сумке... Кричать? — Правда еще убьет или покалечит. Да и кто придет, поздно. Драться с ним? — Как? Она и не умеет...» — пронеслось в ее голове и улеглось, словно внезапный порыв ветра.

— Ну? — мужик схватил её за руку и потянул к паху.

— Не надо, я сама...

Она поставила сумку на землю и робко взяла рукой член. Он был горячим и твердым. Под большим пальцем бугрилась вена. Она стала двигать рукой, вспоминая забытые движения и ощущения.

— Ты прям как девочка. Одна что ль? — хмыкнул мужик и накрыл её ладонь своей, задавая темп.

— Одна... — признался кто-то внутри нее, сбросив со счетов стыд и семикилограммового кота.

— Красивая... — свободной рукой мужик провел по её губам, и они невольно приоткрылись.

Темп сделался быстрее, он коротко рыкнул как злой пёс, и ослабил хватку.

— Спасибо, девочка, выручила, — глухо хохотнул он и слился с ночью.

Она стояла не в силах пошевелиться.

— Я тебя найду! — то ли угрозой, то ли спасением прозвучало из темноты, и его глаза сверкнули в свете вылезшей из укрытия луны.

Она подняла сумку с кормом для себя и для кота и быстро зашагала к дому, до которого оставалось перейти сквер.

Ощущение от мужских пальцев держалось на губах, а от члена — в ладони. Даже большой палец продолжал чувствовать вену.

И почему-то это было приятно...

«А я бы вообще никому про него не сказала! Кому какое дело! Хватит с них мужа Ольги Борисовны! Он был бы только мой...» — сладко подумала она.

«Ду-ду-ду, я тебя все равно найду!» — навязчивый речитативчик, сменивший Киплинга, конопатил ее изнутри чем-то очень теплым...

Процедуня

Серёга плеснул воды на раскаленные камни, и из облака пара крякнул:

— Ох, бля-я!!! Бабу бы ещё! А лучше двух! Прикинь, Витёк, сидишь, а они друг дружку наяривают! А потом ты их! О-о-о!

Потный Витёк несогласно мотнул головой в полотенце.

— Не, две нормуль, ты зря, — впаривал Серёга.

— Уху. Ну их нах! — ухнул Витёк из своего махрового дупла.

— Ты просто не знаешь, как их готовить, братан! Хочешь, организую?

— Не-е-ет! — резче замотал головой Витёк, высунув из полотенца серпик бордового уха.
— Я пробовал раз, еле жопу унёс!

Серёга заржал. Деревянная лавка под ним заскрипела с попискиванием.

— Да че ты ржешь, дурак! — обиделся Витёк. — Тебе бы так, я б на тебя посмотрел!

— Да как так-то? Они, че, надругались над тобой? — веселился друг.

Витек надулся и замолчал.

— Ну, лан, те, братан, — Сергей ткнул друга в плечо, когда вышли из парной отдышаться.
— Давай, поведай! Всё, всё, я не смеюсь!

Витёк влил в себя банку пива, смял ее в ладони и метнул в мусорную корзину, попав точно в центр.

— Трехочковый! Красава! — оценил Серега.

Довольный Витёк дёрнул за кольцо следующую банку и произнёс, чуть растягивая слова, словно с неохотой:

— Да у нас на районе девка одна была. Дунька. Стра-а-ашная! Толстая, волосёнки жидкие, глазки свинячьи. Но добрая. Жалостливая. Придешь к ней — ох, Дуняша, нет счастья в этом мире, одна ты меня понимаешь — она сразу жрачку на стол, бухло, и сама прижимается, по голове гладит и блеет: «Бе-е-едненький». Ну и присунуть ей в этот момент было как два пальца. Чуть потянешь ее к дивану, она сама на спинку брык, окорочка свои раздвинет и только лежит, охает: «Ой, мальчик мой». Имя никогда не называла. Да и понятно — весь район у нее перебивал. Я б тоже запутался. Она уже и не считалась за трофей, все через неё прошли. Болтали так, по крайней мере. Кликуха у неё была «Процедуня», типа пойти облегчиться...

Нам тогда лет по семнадцать было. Ей чуть больше, девятнадцать, наверно. Когда ей к тридцатнику подкатило, все подружки уже замужем, а на неё, ясный пень, никто не позарился, она стала свои процедуни жалобами разбавлять, — мол, вот, все ходят, а замуж никто не берёт, и где они, мужики-то. Я пару лет, наверное, у нее не был, со своей разбирался, ну ты знаешь. Когда разбежались, че та мне раз так хуево было, я вспомнил процедуру. Позвонил.

Она вроде даже обрадовалась, но сказала, что сейчас не может, потому как к ней приехали подружки лесбиянки. А у меня вот прям мечта была, с детства, можно сказать, — посмотреть вживую на это дело, а не в кино, а лучше поучаствовать. Я сказал, что тем более приеду и помчался за шампанским и презами. Еще считал, дурак, сколько взять, — думал, их там двое, а может, и трое, каждую по разу плюс запас, да вдруг разойдусь, значит, множь на два, а в башке уже картины всякие. Короче, прилетел. Открывается дверь, стоит такой борец сумо, и басом мне: «Я Оксана. Заходи, не ссы!». Толкнула меня в кухню, и ногой мне табурет под жопу. Шампанское мое с конфетами в угол швырнула как мусор. У них на столе пиво, колбаса лом-тями. И главное, их много, пять или шесть, все в майках, подмыхи небритые, потом воняют, рыгают, не стесняясь, и анекдоты травят, такие, что аж я краснею. Меня не замечают, как будто я невидимый. Процедуня в цветастом платье с ними сидит, хихикает. Периодически уходят в комнату по двое-трое, стена трясётся. Я уже сижу, мечтаю, чтобы меня так и не заметили, чтоб забыли вообще, что я тут есть. И вдруг этот борец Оксана пьяным глазом на меня косит и говорит: «Член что ль взять? Мужик вроде крепкий». А Процедуня ей таким добреньким голоском девочки-снегурочки: «Возьми, возьми его, он долго может!» Оксана меня взглядом смерил, и как гаркнет: «В душ пошел! Ща покурим, поработаешь! Харе уши греть!» Слуш, Серёг, я реально чуть не обоссался! Они курить ушли, дверь оставили, я типа в душ и валить! Повезло еще, что они вверх пошли, а я — кубарем с седьмого этажа. Пока по лестнице летел, слышал, как Процедуня ржала как полковая лошадь. Сука!

В общем, желания с ними связываться че та больше не имею...

Серега потер нос кулаком, отвернулся, но сдержаться так и не смог — прыснул. Приступы смеха распирала его и так распаренное тело помимо воли и дружеского такта.

Витек обиженно смял в руке банку, но глядя на красного от хохота друга, тоже разулыбался.

Разница поколений

Она плакала в маршрутке. Беззвучно. Сушила скачущим городом слёзы и снова скатывала его отражение по щеке с профессиональным мейкапом. Такие не режут на людях. И не ездят в общественном транспорте. В белом пальто, на шпильках, с идеально уложенными волосами, такие вообще никуда не добираются на метро, а потом на маршрутке «чёрные глаза вспоминаю умираю передаём за проезд рынок пабыстрее на выход», а потом через осенний сквер, по кратерам в асфальте, залатать которые светового года не хватило, к школьному зданию времен зачатия «егэ», приютившего у себя трёхмесячные курсы.

Мы идем рядом, я и богиня в белом пальто. Я радуюсь устойчивой подошве своих «луноходов», а она парит над землей, игнорируя гравитацию. Сомнений нет, мы идем в одно место и к одному времени — курсы. Представляю знакомство с ней: я подойду и скажу: «Привет, ты тоже на курсы, меня зовут...» А она поднесёт руку для поцелуя или пройдет сквозь меня как сквозь калорийный туман. Нет уж. Не подхожу, но ревниво слежу, как она опускается на последнюю парту. Пересаживаюсь в крайний ряд, чтобы лучше видеть её. Не зря же у бабушки такие большие. Любуюсь ею. Нет недостатков. Ну, нет! Скулы, шея, глаза, кожа, волосы, ноги — всё это по отдельности могло бы осчастливить целую группу девушек, всех целых девушек в группе! Но нет, всё ей одной. А она принимает как должное, ей этого, кажется, даже мало...

За мою парту запрыгивает парень: загар, волосы до плеч, спортивное тело, дизайнерская одежда, привычка нравиться. Из журнала для пубертатных девочек или престарелых пидорасов. «Привет че там дай списать не вижу а ручки нет у тя» «Ручка есть, списать на, там — тема. Я супер, знаю. Телефон дам. Конечно, мало ли что, шток было кому. Хороший почерк у меня, ага, разборчивый. Не за что. Обращайтесь».

«Слушай, мы же друзья?» – догоняет он меня в голом ветреном сквере, когда залегшие в кратеры ржавые листья уже прикрылись морщинистым ледком. «Конечно. После трёх списанных лекций ими становятся по умолчанию» – «Нужен твой совет, как мудрой женщины» – «Хоть два» – «Мне очень нравится одна девушка в нашей группе» – «И кто это?» – «Алёна» – «Ху из Алёна?» – «Ну, такая, красивая, на последней парте сидит. Её нельзя не заметить!» – «А, её Алёна зовут? Я думала “здесь Залесская”. А от меня, учебного друга, ты чего хочешь?» – «Понимаешь... тут разница поколений. У меня история такая... я балетный. Пятнадцать лет на сцене. Гастроли, спектакли, жизнь по расписанию. Всем нужен был, себе не принадлежал. Весь мир объездил. Думал, так всегда будет... А тут травма. Рабочий сцены плохо балку закрепил, а я прыгнул. Год лечился. Вернулся. Прыжки уже не те. Режиссер намекать стал, мол, работай, конечно, но сложные роли, а значит, главные, уже не твои. Молодые есть, прыткие. Ну и плюс ориентация у меня не балетная, сама понимаешь. Я поболтался, да и ушёл. Я ж не старый, мне тридцать шесть всего. Ещё не поздно с нуля. Люди и позже начинают. Вот щас курсы закончу, буду работать, плюс пенсия балетная. Семью хочу, детей. А тут такая девочка, прямо чувствую: моя... У меня уже картины в голове всякие, как мы с ней... и с детьми... Паранойя какая-то... А подойти боюсь, очкую, как молодежь говорит. И в игры эти играть, переглядки-переблядки, не хочу. Она же должна чувствовать, что она моя, мой человек, а? Ведь женщины чувствуют такое? Что мне делать? Может, прямо сказать? Как думаешь? Не напугаю? Я очень стрёмный?» – «Ты стрёмный? Да ты что! Ты красавчег, если уж на молодёжном. Хоть сейчас на обложку! Да хоть куда! Но честно – не знаю, что тебе посоветовать. Если чувства – лучше сказать, думаю. Искренность подкупает и всегда чувствуется. Не знаю, поможет ли это тебе... мы один раз ехали с ней в маршрутке. Она плакала всю дорогу, ну... значит, искренняя, живая... Такая девушка не должна оттолкнуть...» «Я понял, спасибо...»

Несколько «па-де-де» его розового стеснения и её профессионального мейкапа случились в темном коридорчике у дверей «школы», в остывшем сквере. Спросить хотелось, но не спрашивала. Он догнал сам, прокатившись по уже крепкому льду замерзших кратеров, присыпанного перхотью снежка. «Что будет на экзамене, не знаешь? Говорят, валят? Пересдача почём? Может, щас дать?» – «Да выучи лучше, пригодится. И потом, деньги тебе понадобятся, ты же вроде жениться собирался...» – «Я-то собирался... Не на ком...» – «А ты сказал ей о своих чувствах?» – «Сказал». – «А она что?» – «Ничего» – «Как – ничего!? Что-то она должна была ответить!» – «Ответила» – «Что?» – «Я привыкла, чтобы меня содержали. Ты не потянешь, сказала. Она права. Ей двадцать, а мне тридцать шесть... Разница поколений...»

Педикюр

Цвет педикюра соответствует её утреннему настроению – страсть, но буржуазная, немного крови, но венозной, не артериальной. Этот оттенок сдержанного пурпура встречается у Босха и Дали. У гениев обострённый цветовой «слух». Цвет – это формат эмоций, партитура, если угодно. «Если угодно» звучит в её голове с интонацией знакомого нищего художника, записавшего себя в таланты и, видимо, на этом основании вступавшего с ней в бессмысленные экзистенциальные споры. Забавным оборотом «если угодно» он пытался придать весомости себе и аргументам, при этом так беспомощно вскидывал немую голову, что лишь перекрасил в свою интонацию старый оборот речи. Неуспешный мужчина не имеет права на безапелляционное высказывание собственного мнения. Сначала приложи усилия, чтобы что-то представлять, а потом открывай рот. И это тоже форма – этическая, социальная. Форма должна быть во всём, ибо она и есть суть гармонии...

Победив в мысленном монологе, она опускает взор к своим туфлям с приоткрытыми пальцами и прямоугольниками ярких ногтей, слегка скруглённых по линии кутикулы. Сланцы, в которых здесь ходят все без исключения, — ужасны. Пальцы плющатся, словно

выдавленные краски. Растянутые майки не менее отвратительны. Обувь и одежда должны придавать форму. Форма это... а впрочем, эта мысль уже сформулирована.

В том месте, где теплый асфальт утыкается в прохладные плиты, она сворачивает в уютную тень кафе: десяток мозаичных столиков под заштопанной солнцем крышей. Та же штопка в выветренных дредах бармена – высоком парне в мешке «майка-джинсы». Голубая слюда его глаз взята из мозаики столешниц. Блеснув лазурью, он приносит латте в чашке с блюдцем, белоснежном в его загорелых пальцах.

– Yourcoffee, Madam!

Восточная мелодия извивает молочную виньетку кофе, копируя его дреды. Солнечные пальцы блуждают по цветным клавишам мозаик, зажигают их, не дотрагиваясь. Где-то за плетённой бамбуковой прохладой – море, замершее еле уловимым солёным ароматом. «Мадам» целует молочную пену кофейно-морского коктейля.

Сердитый араб вталкивает в кафе негритянку, похожую на начатую плитку шоколада. Краски её цветастого платья блекнут в прохладе тени. Она упихивается в кресло за единственным здесь большим овальным столом и сливается с неподвижностью воздуха.

«Мадам» ставит чашку в блюдце. Виньетка томно выгибает спину, не подозревая о смерти на фарфоровой стенке.

Возникшая из тени филиппинка в застиранной зелёной юбке кивает негритянке и усаживается рядом с ней. Солнечные пальцы вышивают на лицах женщин оживление при появлении ещё двух – толстой, в шортах, и в сарафане, с обвисшей грудью, вплетая их в общую картину овального ожидания. За девушкой в джинсах и желтой заколке входит дама в натянутой на растекшейся груди фиолетовой майке и профессиональной улыбке.

– Good morning, ladies! – поставленным голосом произносит дама, садясь с крутой стороны овала.

Женщины роются в сумках, извлекая блокноты и ручки. Фиолетовая диктует названия цветов, словно считывая их вокруг себя: «Red, yellow, orange, green, blue, pink...» Нестройный хор повторяет.

Прохладный латте с податливо изогнувшейся виньеткой не спасает «мадам» от раздражения дюжиной ног в сланцах, оккупировавших её пространство гармонии, словно варвары цветущую страну. Еще одна пара ног в этом шлепающем уродстве приближается к ее столику.

– Anything else? – склоняется над ней бармен, небесно подмигнув.

– Что здесь происходит!? – спрашивает она, кивнув на женский хор, и дублирует вопрос по-английски, брезгливо дернув плечом.

– Курсы «Английский для прислуги», – отвечает парень.

– Ты говоришь по-русски? Откуда? – Она приподнимает удивлённую бровь.

– Были курсы «русский для барменов», – смеётся парень.

– Серьёзно?

– Шучу. Бабушка из России.

Его выгоревшая майка и дреды выгодно оттеняют голубизну глаз и легкий румянец на скулах. Она задумывается о сочетании этих цветов на живом лице, притом, что на холсте они бы не смотрелись так гармонично.

Подчиняясь её взгляду, парень садится рядом. Солнечные пальцы ласкают его загорелую кожу с почти детским пушком и принт на майке, висящей на ключицах. Её раздражает не столько отсутствие в нём какой-либо формы, сколько его неформатная молодость. Они почти ровесники, но она старше не на несколько лет, а на целую жизнь, на тот опыт измены себе, что вырывает из детства навсегда...

– Тебе можно сидеть с посетителями? – тоном замечания спрашивает она.

– Мне всё можно! Я тут один за всех! И в баре, и официант, и товар принимаю и мою, когда уборщицы нет. Где они еще такого ловкого парня найдут? И потом, нет же никого, кроме этих курсов!

– Здесь всегда так?

– Ну да! – Лазурь его глаз смеётся вместе с ним. – Утром и вечером только народ бывает, днем пусто! Поэтому курсы пустили. Надо же денежку зарабатывать. Мы от моря далеко, зато и аренда намного меньше!

Он выпрыгивает из кресла, мелькнув худыми локтями и, поколдовав в тёмном баре, ставит две чашки латте с виньетками в виде сердечек.

– Подарок от заведения!

– Благодарю, – она этикетно улыбается, качнув туфлей. Вспыхнувший на солнце лак педикюра захватывает его взгляд. Лучи взбивают искристую пену до искренности...

– Ты пойдешь сегодня на море? – Он переводит взгляд с её ног на большую грудь, фантастичную на стройном теле, и к глазам, манящим строгостью.

– Наверно... – небрежно отвечает она.

– Хочешь, пойдем вместе?

– Знаешь... я не очень люблю таких... – Она делает улыбку милой, но глаза правдивей.

– Таких как я? – договаривает он.

– Не обижайся. Да.

– Можно узнать: почему?

– Это долго объяснять... – Движение плеч подчёркивает бессмысленность формулировок.

– И все-таки?

– Твои дреды, так они, кажется, называются...

– А что с ними? – тянет он себя за косичку.

– Их же, вроде, мыть нельзя...

– Понюхай! – наклоняет он голову.

Она осторожно втягивает воздух.

– Пахнет приятно...

– Я мою голову каждый день! – улыбается он по-детски безобидно. – Так ты пойдешь со мной?

– Ок...

Задорная голубизна его глаз плавится синевой надежды. Он ёрзает в кресле, словно на волнах.

– Ты катаешься на скимборде?

– На чём?

– На доске!

– Нет...

– Хочешь, научу?

– Я предпочитаю смотреть на море.

– Значит, будем смотреть вместе! Я буду ждать тебя здесь...

Она заглядывает в кафе, когда солнце уже думает о закате. Посетителей по-прежнему нет. Пусто и за овальным столом. Нагретый воздух сдвинул плетёную тень против часовой стрелки, словно не желая убивать этот день. Утро лишь в дредах бармена, колдующего за стойкой. Он улыбается, увидев её:

– О, классно, что ты пришла! Чего тебе взять? – В его пальцах банки: кола, пепси, энергетик, что-то зелёное.

– Ничего. Я такое не пью. Ты идёшь? Или я иду одна! – торопит она.

Они шагают по разомлевшему асфальту, она – в туфлях с приоткрытыми пальцами, он – в сланцах. В том месте, где асфальт отдаётся песку, она переобувается в босоножки, оплетающие

ступни белым шнуром, и прячет туфли в пляжную сумку. Он любит, как она ступает по песку на своих белых лапах с алыми коготками.

– Давай сумку, – протягивает он руку.

– Только на песок не ставь. Это очень дорогая сумка, – предупреждает она.

– Я буду держать ее в зубах, – блестит он синевой глаз из самой глубины.

Она дарит ему улыбку, от которой – знает – мужчины без ума.

Он балансирует в море на доске, она смотрит вдаль, зарыв в песок узкие ступни. Её взгляд скользит по его прилипшим к бёдрам шортам, худой спине, мокрым дредам. Плавными движениями ног она насыпает холмик, устраивает на нем щиколотки так, чтобы солнце выгодно освещало педикюр и гладкую кожу, а между ступнями оказался серфингист, и делает селфи своих ног. Идея не нова, но форма креативна, даже концептуальна, если угодно. Опять эта фраза... Она досадливо хмурится, не замечая подошедшего парня. Несуразно длинная тень его тела подкрадывается к её песочному холмику. Она рушит его одним движением и встает:

– Я хочу пройтись. Возьми сумку.

Его тень накрывает след от её тела на песке, идеальной формы, как и всё в ней, и застывает на миг, замечтавшись.

Они идут вдоль закатного моря, и он рассказывает о том, что собирается учиться на юриста, чтобы помогать отцу в бизнесе, который перейдет ему по наследству, но вообще-то ему ближе музыка и он надеется это как-то совмещать...

Она перебивает на полуслове:

– Вот тот мужчина очень богат, – кивает она в сторону стоящего на пляже человека.

– Ты что, знаешь его?

Она отрицательно качает головой.

– А как ты определила? Он же голый! В одних трусах!

– Это трусы «Армани», и видно, что их у него ещё штук пятьдесят, – снисходительно бросает она, вернув грациозность походке и кокетство взгляду.

Мужчина в трусах «Армани» провожает взглядом девушку с явно сделанной грудью и худого парня с дредами и женской сумкой.

Девушка красиво держит голову, давая ветру поиграть с её волосами.

Возле волнореза, выброшенного на берег, словно мёртвый кит, они поворачивают обратно.

«Богатый» стоит на том же месте, рассеянно глядя в море на ныряющего мальчика. Толстая негритянка в цветном балахоне по подол в воде с жутким акцентом уговаривает ребенка перестать, но он не обращает на нее внимания.

– Надо было глаголы учить, а не цвета, – зло смеётся девушка, ища глазами взгляд мужчины в трусах.

– Это другая, не та, что на курсах была, – смеётся в ответ парень.

– Какая разница...

– Я провожу тебя? – спрашивает он на последней ступени лестницы, уводящей от моря.

– Как хочешь.

Она аккуратно отрясает с ног песок, который кажется снегом, присыпавшим спелые ягоды педикюра, и ступает на асфальт, не переодев босоножек. Его сланцы шлепают чуть позади.

Возле виллы за высоким забором он берёт сумку за обе ручки, словно её саму за руки.

– Ты придешь завтра утром пить кофе?

– Утром придет маникюрша, потом массажист.

– А потом?

– Потом у меня этюды, я буду занята.

– Ты художница? Здорово! А в каком стиле ты пишешь?

– По настроению.

– А мне нравятся французские импрессионисты. Впечатление – это ведь единственное, что остается, верно?

– Они всем нравятся. Просто поголовно – любимый художник Моне, ну, или Мане, писатель – Достоевский, и композитор – Бетховен.

– А ты в России на Рублевке, наверно, живешь? – Он отводит глаза с отражённым в них серым забором.

– Нет, не на Рублевке. Спасибо, что проводил! – Она забирает сумку и уходит, не обернувшись, туда, где дверь с кодовым замком преграждает путь остывшему асфальту.

В сумраке пурпур педикюра превращается в капли запекшейся крови, разлетающиеся от её шагов по дорожке из розового туфа.

Да! Пинк! Глупый, женственный розовый, столь привлекательный для мужчин в трусах «Армани»... – окончательно решает она вопрос о цвете завтрашнего педикюра.

Ваша Эльмира

Здравствуйте!

Восхищена искренне Вашими произведениями.. У вас наверно соответствующее образование? Если Вы все пишете с натуры, когда и где успели набрать столько опыта и материала?

Я прочитала всё... Классно... И нашла в соцсетях Ваши фото... Из одного сделала картинку для Вас... Исходник взяла, чтобы ракурс совпал. Ваше на картинке только лицо. Я бы хотела Вас видеть так... Вы, в красном платье сидите у зеркала. Надеюсь, Вам нравится...

Я работаю вебдизайнером, а фотошоп— это хобби. Если есть желание, сделаю еще, но не спеша... Мне бы понравилось Вас одевать в красивые платья... Не в фотошопе, а в жизни, руками...

Вы, наверное, подумали, что я ненормальная лесби?

Возможно... Но определение «лесби» мне не нравится... слишком однозначно — сразу кобла какая-нибудь видится... мужеподобная тетка в телогрейке, а я дюймовочка... Свои фото я тоже приложила, чтобы Вы видели, какая я...

Хочу Вам рассказать о себе немного...

В детстве я была предоставлена самой себе целыми днями... Лет в 12 начала нравиться себе... наряжалась в мамины наряды, туфли и любовалась собой в зеркале... Потом открыла, что можно не только любоваться, но и делать себе приятное... это стало потребностью, до сих пор это для меня сильнее секса... Сейчас мне стали нравиться красивые женщины... и появилось желание доставлять удовольствие не только себе... Я еще не делала этого ни разу, но отчетливо себе это представляю... Не делала потому, что не было объекта вожделения... Мало таких женщин, которые поймут меня... Вы —поймете, я это вижу... И мне важно, что Вы именно старше... Мои сверстницы мне вообще никак...

Предвосхищая Ваши возможные вопросы, отвечу, что я девственна.

С мужчиной у меня не было секса... но отношения были. Он меня понимал... он был красивый, образованный, состоявшийся мужчина 40 лет... эрудит, спортсмен, автолюбитель... Ему нравилось лизать мне, а мне сосать ему... правда, не сразу... мне было сначала неприятно брать член в рот... но потом понравилось... он делал все тактично, не торопил, тем более, не заставлял меня... Я смотрела порно в инете и училась.

У нас был не только оральный секс, ему нравилось, когда я дробила ему... перед самым извержением надо было уловить момент и сжать член рукой... а потом резко разжать пальцы, чтобы сперма брызнула вверх... и тут же подставить рот и слизывать... Я была готова на всё, чтобы он испытал наслаждение...

Я не знала о нем почти ничего... был ли он женат... думаю, не был... но на улице мы с ним встречались только когда темно... из машины он редко выходил... Я не интересовалась, я хотела, чтобы эта эйфория длилась вечно... я боялась... один вопрос — и все рухнет...

Он любил снимать меня на камеру... а мне нравилось позировать...

Я Вам прислала некоторые из этих фоток тоже. Я там голая. Я хочу, чтобы Вам было приятно меня рассматривать... У меня много таких фотографий. Некоторые я сама снимала на его камеру... он меня за это хвалил... Ему нравилось, чтобы я засовывала всякую фигню себе в анус и принимала развратные позы... Ещё он любил, чтобы я выглядела как школьница... или как юная проститутка... чтобы я детским голосом просила его дать мне пососать его необыкновенный, великолепный член....

Его член — моя любимая игрушка... была... Вообще, хуи как люди... бывают до того пиздопротивные, а бывают такие, что изо рта не вынимала бы... Я их много видела в порно... Правда, в жизни — только один...Его...

Он не лишал меня девственности, мусульманская женщина должна быть непорочной, невинность должна хранить для мужа... Я татарка наполовину. Вообще-то татары исповедуют ислам. Но это не так важно и, на мой взгляд, мало чем отличается от мусульманства....

Все изменилось, когда на Новый год к нему пришла его давняя знакомая... красивая, стройная, умная... а когда выпили достаточно, она танцевала со мной... и мне было классно,

от её близости у меня замирало все внутри... Потом лежали втроем, он с ней целовался... потом это перешло в трах... а я лежала и смотрела... и мне до жути хотелось взять в рот его член после того, как он кончил... да, именно, когда вынул... Наверно, если бы он притянул меня за голову или просто показал глазами, я бы взяла... и сосала бы ему, и одновременно целовала её губы, из которых сочилась бы его сперма...

Но я этого не сделала... и потихоньку ушла...

После этого он не звонил...

Вы скажете, он меня использовал? Конечно, использовал... Я это сама понимаю... А мне нравилось с каким-то отвратительным наслаждением подчиняться ему... А потом уже с удовольствием...

У меня вряд ли скоро кто-то появится... Я же буду сравнивать с ним, примерять... Мне пока самой себя хватает...

Вот с Вами бы так не поступили... Вы сильная... А я... сижу как мышь в уголке и слезки вытираю... Я скучаю по нему... Но все проходит, и бессмысленно пилить опилки, как говорит мой папа...

Если женщина —сосуд зла, то в моем случае зло ещё не выпущено на волю... Я порочна до кончиков ногтей... до кончиков волос...я такое вытворяю, когда остаюсь одна дома...Рассказать Вам, где я ублажала себя, так не поверите... Хотя, Вас не удивить... только после прочтения Ваших книг, я поняла, как я непорочна... а ведь считала себя самой отъявленной дропкой во всем мире...

Я люблю делать это на крыше, летом... 15-ти этажка... огни внизу, весь город в огнях... такое ощущение, что летишь высоко в черном небе... паришь над городом... и дронишь этот клитор быстро-быстро...чтобы быстрее наступил оргазм... потому что, он не кончается, а превращается в маленькие мыльные пузыри, которые поднимаются и лопаются один за другим... ну Вы меня понимаете..

На крышу ведет дверь... кто-то сорвал замок, я купила новый и теперь хожу туда незаметно... Лестница прямо на моей площадке... мне одной там хорошо... это чувство нереальности... когда края крыши не видно... и ощущение, что ты на небе... не знаю, как это Вам передать... это надо ощутить самой.....

А днём я там иногда загораю... на одеялке... а выше моего домов рядом нет... рядом только 9-ти этажки... Вдалеке новый район, там и по 25 этажей есть дома, и выше... но они очень далеко... хотя, я бы хотела, чтобы кто-то за мной подглядывал...

И я бы хотела целовать Вас... Я владею языком в совершенстве. В том самом смысле, в котором Вы сейчас подумали... Я знаю, что Вы это подумали...

Моя мама преподаёт русский язык и литературу, и ещё поэтому Ваши произведения так близки мне. Словно я давно-давно Вас знаю и чувствую...

«Морская прогулка» и «Однажды весной в Италии» и «Все люди – враги»... все это я прочитала лет в 12... Последнее —тяжеловато... но там были эротические сцены... И мне нравилось читать и ласкать себя...

А Вы? Вы запираетесь в туалете, чтобы выкурить сигаретку и доставить себе несколько приятных минут? Класс... вижу Вас во время этого занятия как наяву... А если бы я была Ваша соседка, по подъезду хотя бы, Вы бы забегали ко мне на минутку... и я бы Вам помогала это делать... пока Вы курите в кресле, полужакрыв глаза... Это было бы цинично и порочно... без всяких там соплей про женскую дружбу и любовь... Я бы заменяла Вам все вибраторы и другие штучки...Классно было бы слушать, как Вы в разговоре употребляли бы матерные слова... я обожаю про себя ругаться матом...

Это было бы наше сокровенное, интимное... Вы бы доверяли мне... и я бы видела, как Вы это делаете....

Открыть Вам тайну? Та картинка, где я Вас сделала в красном... сидящей у зеркала... я делала себе приятное, представляя, что Вы сидите и смотрите на меня...

А Вы зашли бы ко мне в гости по-соседски? Я бы наверно сначала смущалась Вас... Вы хотели бы, чтобы я вот так, без лишних слов запустила руку Вам между ног...? Наверняка Вы бы пришли уже возбужденная... и сказали бы: «Подрочи мне, Эльмирчик...» У Вас и в жизни такая манера общаться... вести себя... «Подрочить Вам на крыше?» — это прямая речь из моих уст, севшим от волнения голосом...

Я усложняю сокровенные желания? А знаете, как бы я повела себя на крыше? Наверно, вы все-таки разрешили бы мне довести Вас до оргазма... но тут же воскликнули бы: «Я так писать хочу, ужас...!»

Знаете, меня преследует навязчивая идея... я хочу, чтобы Вы сделали это в... чтобы я Вам помогла... У меня сумасшедшее желание... я хочу прижаться губами к Вашим губам... опуститься на колени и прижаться...

Я это видела в порно... но у меня осознанное желание это сделать... я уже опустилась на колени перед Вами... чувствую Ваш запах... Вы только что испытали оргазм... и колени у Вас чуть дрожат... а может, это от моей близости...?

Я низко пала в Ваших глазах? Я дурочка?

Интересно, как бы Вы написали про внезапное желание пописать....

Идете по улице поздно ночью, и вдруг накрыло... можно только в подъезд или на стройку... Представляете, поднимаетесь на третий этаж по лестнице недостроенного дома, в проеме окна ночной город, ни души вокруг... Я даже слышу шорох стягиваемых колготок вместе с трусами и журчание мочи... Лужа растекается по цементному полу... и вдруг Вы замечаете, что за Вами пристально наблюдают... это сторож... а Вы не можете остановиться, потому что только начали... и смысл метаться – все равно он уже смотрит... Опасности Вы не ощущаете и спокойно заканчиваете процесс, и с наглой улыбкой обесчещенной медленно встаете и натягиваете колготки с трусами... одергиваете юбку... и вдруг его голос:

— У вас закурить не найдется, женщина?

И тут Вы замечаете, когда он подходит, что это нестарый еще мужчина, хэмингуэйевской внешности... и не бомж вовсе, а опрятного вида и не пахнет ничем, кроме алкоголя....

— Я не курю. — Сухо, сдержанно, никакого металла в голосе, чтобы не разозлить, но и никакой доброжелательности, не дать почувствовать страх и растерянность, главное прошмыгнуть между ним и стенкой, а там улица, свобода, фонари и можно заорать, если кинется догонять...

— Женщина, да вы не бойтесь. — До Эрнеста уже пара шагов, но мимо никак не проскочить, слева куча кирпичей, на каблуках — пустая затея, справа — доски какие-то, строительный мусор...

— Ну, всё, пиздец... — проносится в голове. Сейчас схватит за горло, прижмет в углу и... Убьет? Нагнет и изнасилует? Поставит на колени, вынет нож и будет трахать в рот пока не спустит? А потом? Чиркнет по горлу, вытрет о дорогое кашемировое пальто лезвие и пойдет, насивывая и застегивая на ходу ширинку?

— Такая красивая и одна на стройке ночью... — В его голосе слышится сочувственная нотка. — Если вы не возражаете, я воспользуюсь случаем... Он не спеша расстегивает штаны,

закуривает сигарету и достает из ширинки член. — Не волнуйтесь, я только подрочу на вас. Вы такая красивая, нарядная. Полгода женщину не видел вблизи...

Он почти вплотную подходит к Вам, касается пальцами вашей щеки... Вы даже не пытаетесь отстраниться, Вы — жертва, он — неотвратимый и восхитительный, как удав... Ваши ноги становятся ватными, колени дрожат... Его рука скользит по Вашему бедру, проникает под пальто, прижимается к животу. Пальцы уже задрали юбку и гладят обтянутое тонким шелком лоно. Обжигающая струйка мочи вытекает в трусы, это происходит непроизвольно, его пальцы замирают и забираются внутрь, отодвинув полоску трусов...

Вы переступаете с ноги на ногу, расставляете их пошире, чтобы ему было удобнее проникнуть внутрь. Пальцы как живые существа, как щупальца диковинного моллюска шевелятся внутри Вас... Глубже, ещё глубже... И ещё... И, кажется, что дальше уже нельзя, и все-таки ещё чуть-чуть... Вы сильно сжимаете губы и, уже не в силах сдержаться, расслабляетесь и мочитесь на его руку... Он замирает и только быстро-быстро дрожит...

И я тоже... Как наяву вижу эту сцену... мне хочется, чтобы у меня был член... чтобы дрончить на Вас....

Не судите строго за ошибки... Я хотела только нарисовать сцену, концептуально... я практически не правила предложения... вот Вы написали бы здорово... А я текла за двоих, пока писала...

Вы ведь не сердитесь...?

У меня в голове еще сцена с Вами в осеннем лесу... Вы одна, паутинки летают, желтые листья мягко ложатся на землю... Вы в том же красивом пальто... и тот самый момент, когда накрывает... вы прислоняетесь спиной к дереву... вокруг ни души... рука под юбкой, гладкая кожа внизу живота под пальцами... мягкие податливые губы... обжигающая глубина, поглощающая пальцы... а дальше — так, как только Вы умеете, Вашим слогом...

Откуда люди мудрость черпают?

Наверно из сайтов, где демотиваторы публикуют...

Я иногда хожу посмеяться на демотиваторы... один раз хохотала до икоты, наверно смешинка попала в рот... остановиться не могла...

Вот и сейчас не могу...

Не отвечайте мне... «Мысль, выраженная словом, есть ложь...» — не помню, где прочла... Правда в желаниях, — дополнила бы я от себя...

Люблю Вас...

Ваша Эльмира

Маринка

Синие бока стюардессы огибали тележку с напитками как отмороженные щёки. Щёки же, напротив, были рыхлыми и белыми, словно полупопия работающих в помещении женщин.

— Яблочный, апельсиновый, томатный, — монотонно перечисляла стюардесса, даже не пытаясь растянуть щёки в улыбке.

— Томатный! — заказал сосед и, когда тележка откатилась, оскорблённо покачал головой: — Раньше Аэрофлот не позволял себе брать вот таких. Все девчонки были как на подбор!

До этого мы с этим соседом обсудили расположение наших сумок в багажном отсеке, задержку вылета на двадцать минут, которая «не должна сказаться на времени прилёта, потому что они обычно нагоняют время», познакомились и стали почти родственниками, приговорёнными «чувствовать локоть друг друга» ещё как минимум три часа, если «они нагонят время». Его зовут Артём, и он вызывал желание составить второе впечатление.

– Откуда вы знаете? Летаете часто? – спросила я.

– Да нет, не сказал бы.

– Значит, вам везло, попадались сплошь модели!

– Нет, – засмеялся он. – Я точно знаю. У меня сестра десять лет отлетала стюардессой. Знаю, какой был строгий отбор и какие требования. Она и ушла потому, что стали брать всех подряд. Раньше это была элита, так сказать, а сейчас всякий сброд. Вон, видели? – он кивнул в сторону уехавшей стюардессы с тележкой. – Ей за прилавком стоять, а не летать. А это изначально – конфликтная ситуация в коллективе.

– Согласна.

– Да это же очевидно, – вздохнул сосед и поёрзал в кресле.

Он не выглядел перелётным болтуном, которому только покажи пристегнутые уши – и приступ словоохотливости не остановить. Умный взгляд, продуманная щетина, красивый нос. С такой внешностью наблюдают и помалкивают. Но ему явно хотелось продолжить разговор. Да и мне тоже. Впрочем, что ещё делать от разноса напитков до судьбоносного выбора между курицей с макаронами и говядиной с гречкой.

– Работать здесь это ведь так тяжело, мне кажется, – сказала я. – Постоянно в тесном, замкнутом пространстве. Не говоря уже о том, что люди разные бывают, и ситуации.

– Не знаю, сестре нравилось. Она очень хотела летать, такой конкурс прошла! Работала сначала на внутренних рейсах, потом на международных, потом даже на vip-рейсы ее ставили! – с гордостью сказал сосед.

– Что значит vip-рейсы?

– Это когда летит кто-то важный. Он может один быть в самолёте или небольшая группа. На такие рейсы ставят лучших из лучших!

– А вам приходилось летать с сестрой?

– Ой, с ней невозможно! – заулыбался он. – Еду она не ест, говорит, что лучше не знать, как её готовят, ошибки все замечает, возмущается! Принципиальная она у меня...

– Красивая? Вы, наверно, похожи?

– Нет, я на маму похож, а она на отца больше. У нас отец армянин, а мама русская. Мы из Армении сами. Она – да, красивая. А у меня фото есть. Сейчас... – Артём полистал и протянул мне смартфон. – Вот она, сестричка моя.

На фото – милая темноволосая стюардесса стоит возле кресла единственного в самолёте пассажира в белом одеянии религиозного служителя. Он пожилой, седой, но лицо загорелое и глаза светятся. Девушка держит его ладонь обеими руками, сверху и снизу. Её глаза закрыты и лицо такое, словно она молится, прикоснувшись к святыне.

– Это она перевозила Папу Римского Иоанна Павла Второго, – прокомментировал Артём. – Он сказал девчонкам – вы все можете подойти ко мне, сфотографироваться и поцеловать мне руку. Все сказали – вот ещё, будем мы старому пердуну руку целовать, а сестра сказала – а я поцелую... Она поцеловала и держала его руку. В этот момент фото сделано. Папа этот через два года умер, а фото осталось.

– Интересный снимок... – сказала я, засмотревшись на просветлённую девушку, держащую ладонь старца как святыню. – От него как будто свет идёт...

– Да, отец его у себя на столе держит, проходит каждый раз мимо, говорит – храни её там, на небесах...

– О господи! – испугалась я. – Что с ней случилось? Она жива?

– Ну как сказать, жива... – нахмурился Артём. – У нас мама умерла, когда сестре было шестнадцать. Рак. Сестру как подменили, она такое стала вытворять! Однажды с подружкой решили умереть, наглотались каких-то таблеток, сели в автобус, который у нас в городе по самому длинному маршруту ходил, и поехали. Думали заснуть в дороге и не проснуться. Несколько кругов промотали, но то ли доза неправильная, то ли организмы молодые – их, косых, сняли в автобусном парке и отправили домой.

– А с чего вдруг решили умереть?

– Любовь несчастная у сестры была, а подруга с парнем поругалась. И плюс мама. Ну и решили: давай умрём? Давай! Я был дома один, отец в больнице лежал с язвой после смерти мамы, потом парень пришёл этой дуры-подруги. Мы намешали им банку воды с марганцовкой, сказали – пейте при нас, чтобы мы видели. Они – нам надо в туалет. Ну ладно. Закрылись. И тишина. Хорошо, пошли проверить – и хорошо, что у нас между туалетом и ванной перегородка не до потолка, зазор есть. Глянули туда, и парень как закричит – твою мать! А они там обе в кроватной ванне плавают. Оказывается, разломали бритву пополам, – раньше, помните, такие были, – залезли в ванну и полоснули друг друга по венам. Вытащили, отправили в больницу. Зашивали их без наркоза. Врач сказал – чтобы хоть боль запомнили, дуры! Сестра орала так! Потом вроде успокоилась. Отец вышел из больницы. Сестра замуж вышла. Ей девятнадцать и ему девятнадцать. Его родственники её в штыки. Он в Америку собирался уезжать. Тогда все уезжали. Она забеременела. Сказала ему. Он – ну что, сука, добила своего? Хочешь связать меня по рукам и ногам! Иди, избавляйся от ребенка, не нужен этот ребенок сейчас. И мамаша его тут же – Мариночка, я уже договорилась о консультации, врач моя знакомая, всё сделает быстренько, иди. Она должна была завтра идти на консультацию к врачу, но не пошла. И пропала. Просто пропала. Никто не знал, где она. Через три дня объявили в розыск. И два следователя как в кино – один плохой, другой хороший. Плохой сразу мне – признавайся, гад,

как сестру убил и где закопал! А добрый стал выяснять, были ли у неё дневники, записные книжки, телефоны, с кем общалась и т.д. Мы целый ворох её бумаг принесли ему, отдали. Он сел, стал все пересматривать, смотрит и откладывает, бумажку в одну кучку, бумажку в другую. Из маленькой кучки стал звонить. Вышел на жену полевого командира. Где муж? – Уехал три дня назад. Он – ага, три дня назад. А он один уехал? – Нет, с девушкой. – Такая и вот такая? – Да. Ну так и выяснили, что она на войну уехала. Война тогда шла за Карабах. Она, значит, никому ничего не говоря, собралась – и на границу. Тогда приехать в Карабах было легче лёгкого. Приезжаешь, тебе сразу форму, автомат и вперёд. Всех брали, пушечное мясо нужно было. Уехать с войны было невозможно. Только в виде посылки. Везли оттуда пачками. У нас в районе, в моём, где я вырос, где в школу ходил, каждый день по несколько похорон. Знакомых много. С этим в казаки-разбойники играл, этого просто знал, с тем в одной школе учился. Привозят родителям цинковый гроб и бумажку: «Спасибо за сына, погиб, выполняя долг». И сопровождающий с гробом, военный. Вот уж работа – не позавидуешь. Он должен родителям передать героя. Как их не разрывали родственники, не знаю... Мы все это видели каждый день, а она туда поехала!

– Так она же беременная! Не видели они там что ли? – возмутилась я.

– Да кто там будет смотреть! Отец тогда побежал, раздобыл справку, что Маринка беременна и поехал в министерство обороны. Зашёл, там люди, туда-сюда бегают, кто с бумагами, кто с чем, к кому обращаться – не понятно. Постоял, поозирался, подошёл к тому, у кого звёздочек на погонах больше. Спросил – как мне дочь свою найти? От него отмахнулись – да какая дочь, не до тебя, отец. А рядом группа военных – вонючие, костром, потом, на сапогах глина. Вдруг один из них к отцу обращается – как зовут дочку? – Марина. – Такая, такая? – Да. – Знаю я твою дочку, у нас она. Я из этой части, за провизией приехал, завтра утром назад. Отец на колени упал перед ним – она беременна, ради всего святого, выгоните её оттуда! – Как беременна!? – крикнул военный. А она ничего не сказала! – Конечно, не сказала, она же сбежала из дома! Погибать поехала! «Не волнуйся, отец, – военный сказал, – иди домой, встречай дочь, как приеду, я её в три секунды выкину!» Ну, Маринка и правда вернулась на следующий день. Ни царапины! Вот так, ничего её не взяло, ни таблетки, ни бритва, ни война... Через пять месяцев родила мальчика. Муж пришёл. Муж все-таки. Она как увидела его, только чуть головой повела, сказала «пшёл вон!».

Артём отпил кровавого томатного сока и вздохнул.

– Ну, потом муж её стал ходить, прощения просить, даже жить приехал к нам. У нас квартира большая была, комнат много. Вроде чего-то помогать пытался... Однажды Маринка на кухне разоралась – я больше видеть его не могу! Скажи отцу, пусть выгоняет его из квартиры, не нужен он мне! А он в это время за дверью стоял. Вошёл. Она – ты все слышал? Вот и проваливай! Такая вот она, сестричка моя... А жили так... Союз развалился, в квартирах света нет, газа нет, тепла нет. На улице теплей, чем дома. Отец на работе сварил печь, поставили дома, трубу сунули в вытяжку, так и грелись. Тогда многие так делали. Но печку ж топить надо. Так у нас рядом с домом был ботанический сад. И как стемнеет, народ туда – за дровами. Все деревья попилили, все лавочки, – от лавочек железные остовы одни остались. Ловили, конечно, штрафовали. Но всё равно ходили. А что делать? Все уезжали тогда из Армении – кто в Россию, кто в Америку... Я в Москву уехал, потом Маринка ко мне приехала, замуж вышла второй раз.

– Так он с сыном больше не виделся? Отец в смысле.

– Нет. Но сейчас уже видятся, общаются. Парню двадцать уже. Копия отца. Просто копия. И безвольный такой же...

– А второй муж какой? Повезло Маринке на нормального мужика?

– Я бы не сказал. Внешне – brutальный, лысый, во всех горячих точках побывал, ножи метает, здоровый лось, высокий. Зарабатывает тридцать пять тысяч и даже не парится, а двадцать пять они за квартиру отдают. На что живут – не знаю. Покупка ботинок – событие в семье! У Маринки у самой три заштопанные кофты и джинсы – вся одежда. Так она ботинки купит сыну, этот обижается, из дома уходит. Приходит вечером с тремя сумками одежды. Себе. Типа – ему купили, почему мне не купили! Такой вот он. Она носится сейчас с дочкой, с подработками какими-то. Вот сделает гражданство российское сейчас, с работой легче будет. Скучает она, конечно, по полётам, но что делать, надо выживать. Я как могу помогаю. У меня все более-менее в Москве сложилось, жаловаться грех...

Артём допил сок и забил в лунку стаканчик с кровавыми подтеками по пластиковым стенкам.

Синие бока и белые щёки стюардессы подкатили тележку и необходимость выбора между курицей с макаронами и говядиной с гречкой.

– Курица! – заказал, словно обозвал стюардессу сосед и по-родственному подмигнул мне.

Пьеса для двух оргазмов

Сайт практикующего психолога Марины В.

Сообщение от гостя «Светлана»:

Здравствуйте, уважаемая Марина!

Я прочла все статьи на вашем сайте и наверно книги тоже закажу. Мне очень нравится, как вы все по полочкам раскладываете и как подробно отвечаете. Мне, конечно, психолог не нужен, в смысле как врач, но можно я Вам буду иногда писать? Мне очень нужно поговорить с кем-то... С подругами не могу, у всех свои проблемы, работа, дом... Хочется даже просто потрепаться с умной женщиной. Не откажете мне? Извините за наглость, я искренна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.